В.А. Абашник
Харьковский экономико-правовой университет

Академик Борис Андреевич Дорн (1805–1881) как ориенталист

Ключевые слова: Афганистан, Кавказ, Ширван, иранистика, арабистика, санскрит

Йоганн Альбрехт Бернгард Дорн (Johann Albrecht Bernhard Dorn) принадлежит к тем мыслителям XIX в., которые выделялись универсальностью своего таланта [1]. В одном лице он был языковедом, ориенталистом, латинистом, историком, германистом, археологом, библиотекарем, архивариусом, нумизматом, преподавателем и переводчиком с многих восточных языков [2]. В статье главное внимание будет уделено основным чертам формирования Бернгарда Дорна как ученого, а в центре будет находиться важный аспект его обширной научной деятельности — ориенталистика и ее направления.

Бернгард Дорн родился 29 апреля (11 мая н. ст.) 1805 г. в деревне Шойерфельд (Scheuerfeld) возле г. Кобурга (сегодня городской район Кобурга). Его отец Генрих Вильгельм Дорн (1770–1836) был лютеранским священником, который в 1819 г. получил новое назначение в соседний городок Эйнберг (Einberg) под Кобургом, куда и переехала вся семья. Отец будущего ученого хорошо владел латинским и древнееврейским языками и дал ему начальные уроки в этих языках. Курс обучения Бернгард Дорн прошел в традиционной Кобургской гимназии имени герцога Йоганна Казимира («Casimirianum»), выпускники которой внесли весомый вклад в развитие медицины, богословия и других наук в различных регионах Российской империи [3]. В 1822 г. Бернгард Дорн успешно закончил Кобургскую гимназию; этим же годом датировано и его первое литературное произведение: «Скорбное стихотворение на смерть кобургского гимназиста Христиана Шёнера» (Trauergedicht auf den Tod eines Coburger Gymnasiasten Christian Schoener, Кобург).

С осеннего семестра 1822 г. Бернгард Дорн начал изучать богословие в университете Галле, но уже в следующем году продолжил курс обучения в соседнем Лейпцигском университете. Здесь большое влияние на него оказал профессор-ориенталист Эрнст Фридрих Карл Розенмюллер (1768–1835), автор многочисленных работ, среди которых были: «Учебник литературы библейской критики и экзегетики» (1797–1800) в 4-х частях, «Арабская элементарная книга для чтения» (1799), «Древний и новый

Восток» (1818–1820) в 6-ти тт., «Учебник библейской науки о древнем мире» (1823–1831) в 4-х тт. Благодаря занятиям у этого профессора Бернгард Дорн занялся изучением восточных языков, среди которых были арабский, персидский, древнееврейский, сирийский, афганский, турецкий, санскрит, эфиопский языки. По окончании университетского курса он представил результаты своих исследований в докторской диссертации «De Psalterio Aethiopico commentatio» (Лейпциг, 1825). Уже 4 мая 1825 г. Бернгард Дорн защитил эту диссертацию и с осеннего семестра того же года стал приват-доцентом Лейпцигского университета.

За два учебных года в Лейпцигском университете (1825–1827) Бернгард Дорн развернул обширную преподавательскую деятельность. Так, уже с осеннего семестра 1825/26 учебного года он начал читать шесть следующих курсов: «Начала халдейского языка», «Объяснение арабских сказок, а также краткая литературная история арабов», «Сирийский язык», «Персидский язык», «Эфиопский язык», «О пророчествах Исайи». В двух семестрах следующего, 1826/27 учебного года Бернгард Дорн предложил слушателям Лейпцигского университета еще шесть курсов: «Древнееврейская грамматика и объяснение Книги Бытия», «Арабская грамматика», «О книге Иова», «Начала санскритского языка», «Арабское общество», «Объяснение арабской стиха-поэмы “Amālī” и изложение мусульманской догматики и религиозной истории». Как видно из названий этих университетских курсов, список которых сохранился в архивах Лейпцига, уже в этот период проявилась универсальность познаний Бернгарда Дорна. Причем его преподавание было посвящено как библейской (ветхозаветной) тематике, так и изучению семи восточных языков и литератур. Однако основной акцент его курсов в Лейпцигском университете был сделан на арабистике, включая язык, литературу, религиозную историю и историю арабского общества.

В начале 1827 г. Бернгард Дорн издал в Гамбурге две работы: «Drei Lustgänge aus Saadis Rosenhain» и «Ueber die Verwandtschaft des persischen, germanischen und griechisch-lateinischen Sprachstammes» (1827). Первая работа была его комментированным переводом на немецкий язык из персидского сборника рассказов, афоризмов и стихов «Гулистан (Розовый сад)» (1258) знаменитого поэта Саади Ширази (1203/8–1292). Второе сочинение было посвящено сравнению персидского, германского и греколатинского языкового корня и стало важным исследованием среди ранних языковедческих работ Бернгарда Дорна. В заключении к этой работе он подчеркивал роль санскрита и писал: «Несомненно, этот очень древний язык настолько родственен греческому, персидскому и германскому языкам, что никоим образом нельзя оспаривать их внутреннее согласие; и самые ученые знатоки признали это, к примеру, *Шлегель*, *Бопп* и другие» [4, S. 186–187].

Благодаря активной преподавательской и научной деятельности в «Лейпцигский период» (1822–1827), молодой приват-доцент Бернгард Дорн обратил на себя внимание специалистов-востоковедов в Германии и за рубежом, в т. ч. в России. В результате 1 июня 1827 г. российским ми-

нистром народного просвещения Бернгард Дорн был утвержден ординарным профессором восточных языков и литературы Императорского Харьковского университета. Этому назначению поспособствовали два известных человека — ориенталист Христиан Мартин (фон) Френ (1782–1851) и куратор Харьковского учебного округа, доктор философии Алексей Алексеевич Перовский (1787–1836). В связи с этим харьковский историк Д.И. Багалей (1857–1932) отмечал: «Сам Перовский ходатайствовал перед министром о предоставлении должности ординарного профессора восточных языков преподавателю Лейпцигского университета доктору философии Дорну, рекомендованному академиком Френом. Ходатайство это было уважено в 1827 г.» [5, с. 351].

Уроженец немецкого города Росток Х. М. Френ (Christian Martin Joachim von Frähn) после изучения ориенталистики и богословия в университетах Тюбингена, Гёттингена и Ростока, где он защитил докторскую диссертацию по богословию, в 25-летнем возрасте получил кафедру восточных языков и литературы в Императорском Казанском университете. Кстати, в списке «внешних членов» Харьковского общества наук на 1 мая 1817 г. был назван: «9) *Християн Мартын Френ*, Императорского Казанского университета профессор восточных языков» [6, с. XXXIII]. К этому времени Христиан Данилович Френ был уже приглашен в Императорскую академию наук в Санкт-Петербург, где благодаря своим публикациям стал основателем новой научной традиции в России, известным арабистом, тюркологом и нумизматом, основателем Азиатского музея (1818). Уже после его смерти Бернгард Дорн опубликовал некоторые сочинения Френа под названием «Frähns Opusculorum postumorum» (1855, 1877) в двух томах.

Именно академик Х.Д. Френ в 1826 г. обратил внимание нового харьковского куратора А.А. Перовского на приват-доцента Бернгарда Дорна. Сам А.А. Перовский был назначен указом императора Александра от 3 мая 1825 г. сначала исполняющим должность попечителя (куратора), а 1 мая 1826 г. — попечителем Императорского Харьковского университета. В конце мая 1827 г. А.А. Перовский вместе с сестрой А.А. Толстой и племянником, будущим писателем А.К. Толстым (1817–1875) отправились в Германию, где посетили Дрезден, Лейпциг, Йену, Веймар и другие интеллектуальные центры. В Лейпциге А.А. Перовский имел возможность беседовать с Бернгардом Дорном. Результатом поездки А.А. Перовского по Германии в 1827 г. была не только встреча с уже харьковским профессором Бернгардом Дорном, но также избрание в 1828 г. Й.В. фон Гёте почетным членом Императорского Харьковского университета. Кроме того, после этой поездки харьковский куратор продолжал публиковать литературные работы под псевдонимом Антоний Погорельский, на которых сказались влияния Й.В. Гёте, Э.Т.А. Гофмана, Ф. Шиллера и других немецких писателей.

После назначения профессором Бернгард Дорн не сразу приехал в Харьков, а отправился в 1827 г. в научное путешествие по Германии, в частности в Гамбург, а затем в Париж, где в 1828 г. интенсивно изучал персидский и арабские языки и литературу у знаменитого востоковеда, барона

Сильвестра де Саси (1758–1838). После Франции он отправился в Англию, где продолжил стажировку и изучение восточных языков и литературы. 21 февраля 1829 г. Бернгард Дорн выступил с докладом в заседании Королевского Азиатского общества в Лондоне, где рассмотрел историю астрономии у арабов, опираясь на манускрипт 1275 г. Этот доклад в том же году был опубликован в собрании работ этого общества под названием «Description of an arabic celestial globe belonging to Sir John Malcolm deposited in the Museum of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland» (1829).

В том же 1829 г. Бернгард Дорн опубликовал перевод персидской хроники по истории афганцев со своими комментариями под названием «History of the Afghans» (Лондон, 1829). В своем предисловии, которое было датировано «22 мая 1829 г., г. Лондон», он подчеркнул важную роль восточных языков и литературы не только для понимания Востока, но и для уяснения собственной истории. Здесь же Бернгард Дорн отмечал: «Во время работы над переводом я считал своей обязанностью заниматься изучением языка пушту...» [7, p. X]. Именно этим переводом Бернгарда Дорна, «профессора восточной литературы Российского императорского университета в Харькове», как было указано на титульной странице, был начат большой переводческий проект «Oriental translation fund of Great-Britain and Ireland», который завершил Фридрих Макс Мюллер (1823–1900) в его серии «Sacred Books of the East» лишь в конце XIX в.

Вторую часть этого перевода, которая появилась в печати в Лондоне в 1836 г. вместе с первой частью, Борис Андреевич Дорн, как стали его называть в российских документах, подготовил уже во время «харьковского периода» жизни (1829–1835). Благодаря этому сочинению харьковский профессор Б.А. Дорн стал известен в Европе и в мире как специалист по истории и культуре народов Афганистана. В XX в. эта работа Б.А. Дорна выдержала несколько изданий, в том числе в Лондоне (1965), Нью-Йорке (1969), а также в Нью-Дели (2000) в качестве третьего тома серии «Afghanistan and the Afghans».

Уже известным в Западной Европе ориенталистом Борис Андреевич Дорн приехал в августе 1829 г. через Лейпциг в Харьков. С этого учебного года он начал преподавать различные дисциплины на латинском языке в Императорском Харьковском университете. Так, в 1830/31 учебном году он читал следующие предметы: 1) Объяснение персидской словесности по «Персидской хрестоматии» (1826) профессора восточных языков и будущего ректора Московского университета Алексея Васильевича Болдырева (1780–1842); 2) Арабская грамматика по «Арабской хрестоматии» (1824) А.В. Болдырева; чтение и объяснение «Краткого сведения об Алкоране» (Казань, 1814); 3) Санскрит [8, с. 220]. В 1831/32 учебном году к названным предметам добавились еще история персидской литературы, древнееврейский и эфиопский языки. Эти дисциплины Б.А. Дорн преподавал и в следующих семестрах, в том числе по своим манускриптам. Есть указания харьковских историков, что он впервые начал читать турецкий язык в Харькове: «Дорн преподавал персидский и турецкий языки и объ-

яснял отрывки, помещенные в соответственных хрестоматиях» [5, с. 595]. Таким образом, в Императорском Харьковском университете профессор Б.А. Дорн стал инициатором преподавания четырех восточных языков: турецкого, эфиопского, арабского и персидского.

Первой публикацией Б.А. Дорна в Харькове была его университетская речь по случаю взятия крепости Варна в русско-турецкой войне. Она была опубликована на латинском языке под названием «Varnam, fortissimum Turcarum propugnaculum anno 1824 captam celebrat B.D.» (1830). Его вторая харьковская работа «De affinitate linguae Slavicae & Sanscritae» (1833) была посвящена сравнительному анализу санскритского и славянских языков. В саморецензии на это сочинение, которую Б.А. Дорн опубликовал в «Дерптских ежегодниках литературы, статистики и искусства, особенно России» (1833), он подчеркивал, что исследование «содержит полное сравнение славянской и санскритской грамматики» [9, p. 501]. Хотя грамматическому анализу была посвящена основная, третья глава (De affinitate grammaticali), здесь профессор Б.А. Дорн также представил и лексический анализ названных языков.

Следует отметить, что это харьковское сочинение Б.А. Дорна появилось несколькими месяцами ранее фундаментальной работы «Сравнительная грамматика санскрита» (Vergleichende Grammatik des Sanskrit, 1833) авторитетного Франца Боппа (1791–1867). Помимо исследований в сфере языкознания, Б.А. Дорн в этом сочинении рассматривал и указывал на актуальную философскую проблематику. К примеру, здесь мы находим его ссылки на работы известных ученых по философии языка — Вильгельма фон Гумбольдта [10, p. 8] и Фридриха Шлегеля [10, p. 3; 5]. В этом отношении один из преемников профессора Дорна по харьковской кафедре П.Г. Риттер позже справедливо отмечал: «Работа эта предвещает в будущем солидного первоклассного ученого» [8, с. 221].

В Харькове профессор Б.А. Дорн, наряду с преподавательской и научной деятельностью, выполнял и другие функции. Так, в 1829–1831 гг. он был директором университетского Минц-кабинета, собрание которого составляло около шести тысяч монет и медалей и было одним из лучших в Российской империи. Кроме того, по окончании учебного года, с июля 1834 по август 1835 г., Б.А. Дорн по поручению университетского сената находился в Вильне. Как известно, после упразднения Виленского университета (1832) большинство книжных, монетных и других собраний было предназначено для передачи в университеты Киева и Харькова. Поэтому в Вильне профессор Б.А. Дорн занимался описью и формированием фондов для пересылки в Харьковский университет. По результатам этой командировки Б.А. Дорн сделал опись восточных монет бывшего Виленского университета, а позже опубликовал ее в своем обзоре «Ueber einige aus dem Münzcabinette der ehemaligen Wilna'schen Universität an die St. Wladimir-Universität zu Kiew übergegangene morgenländische Münzen» (1837).

В отношении преподавания профессора Б.А. Дорна в Харькове один из его слушателей, Д.П. Хрущов, писал, что студенты слушали у него «арабский и персидский языки, которые он <...> преподавал на языке латинском»

[5, с. 609]. Другой слушатель указывал на соответствующие трудности харьковских студентов, поскольку Б.А. Дорн преподавал восточные языки и литературу на латинском языке: «С одной стороны недостаточное знание латинского языка и неумение владеть им представляли неодолимые затруднения для студентов; с другой — роскошные вымыслы фантазии и своеобразные произведения Востока, носившие на себе особый, им только свойственный характер, не легко поддавались тяжелым формам римской речи, выработавшейся при иных условиях народной жизни» [5, с. 609]. Примечательно, что последний слушатель также писал: «Обладая необыкновенною способностью к изучению языков, Дорн, расставаясь с Харьковом, уже свободно говорил по-русски» [5, с. 609]. В Харькове Б.А. Дорн оказал влияние не только на студентов, но и на коллег-профессоров. Среди них был известный переводчик Шекспира и профессор российской словесности Василий Алексеевич Якимов (1802–1853), который среди иностранных языков знал «основательно и порядочно персидский, коему, по своей охоте к знанию языков, обучался у профессора восточных языков Дорна» [5, с. 202].

В октябре 1835 г. Б.А. Дорн был приглашен в Санкт-Петербург для преподавания истории и географии на отделении восточных языков Азиатского департамента Министерства иностранных дел. «Санкт-Петербургский период» (1835–1881) стал решающим и основным в научной карьере Б.А. Дорна. Уже 18 декабря 1835 г. он был избран членом-корреспондентом Императорской академии наук. С 1 февраля 1839 г. Б.А. Дорн стал адъюнктом, с 4 июня 1842 г. — экстраординарным, а с 6 марта 1852 г. — ординарным академиком историко-филологического отделения Императорской академии наук. Кроме того, с 5 августа 1842 г. он был назначен директором Азиатского музея и проработал на этой должности до конца жизни. Здесь Б.А. Дорн стал одним из основателей и главных авторов журнала «Азиатские заметки» (Mélanges asiatiques), которые регулярно издавались с 1849 г.

Свои работы Б.А. Дорн публиковал также в периодических изданиях Императорской академии — «Известиях» или «Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg», выходивших с 1830 г. Кроме того, с 1844 г. он работал в Императорской публичной библиотеке, где заведовал восточным и историческим отделениями, а позже — отделением богословия. Ему принадлежат многие описания различных поступлений в ее фонды, а также оригинальный печатный каталог восточных рукописей на французском языке (Санкт-Петербург, 1852). В это время Б.А. Дорн занимался и преподавательской деятельностью в Санкт-Петербургском университете, где читал курс по санскриту (1838–1842) и афганскому языку (1855–1857). Умер академик Б.А. Дорн после короткой, но тяжелой болезни 19 мая 1881 г. и был похоронен на Смоленском евангелическом кладбище в Санкт-Петербурге.

Академик Б.А. Дорн стал известен в научном мире благодаря своим исследованиям по различным направлениям ориенталистики, среди которых важнейшими являются: 1) Афганистан, 2) иранистика, 3) арабистика, 4) эфиопский язык, 5) санскрит, 6) Кавказ. Наряду с иранистикой первен-

ство в его исследованиях принадлежало изучению по оригинальным источникам истории, языков и культуры народов Афганистана. Кроме уже названного двухтомного перевода в этом отношении следует выделить и другие работы, например: «К истории афганского племени юсуфсей» (Beitrag zu der Geschichte des afghanischen Stammes der Iusufsey, 1838), «Перечень афганских племен» (Verzeichniss Afghanischer Stämme, 1837) в академических «Известиях», а также сочинение «К истории афганского эмира Ханджехана Лоди» (Zur Geschichte des afghanischen Emirs Chandschehan Lodi, 1848).

Кроме того, в обширной публикации «Извлечения из афганских писателей» (1845) Б.А. Дорн представил четыре афганских первоисточника со своими комментариями: «Журнал пушту» (Puschtu-Magazin), «Преимущества закона» (Vortheile des Gesetzes), «Диван Рехмана или Абдуррахмана» (Der Diwan Rehman's oder Abdurrahman's), «Диван Мирзы» (Der Diwan Mirsa's). В отношении первого источника в своем предисловии он подчеркивал: «„*Журнал пушту*“ является одним из самых ранних произведений афганской литературы. Он написан в начале 17-го века известным афганским святым *Ахундом Дервишем* (Achund Derwisch) и его сыном *Керимдадом* (Kerimdad); причем написан с целью опровержения учений и сочинений основателя секты “иллюминатов” *Баясида Ансары* (Bajasid Ansary), который первым использовал афганский язык в качестве письменного языка, и, таким образом, одновременно должен рассматриваться как основатель афганской литературы» [11, p. 583].

Но знаменитым специалистом по Афганистану Б.А. Дорн стал после публикации фундаментальной «Хрестоматии пушту или афганского языка» (A Chrestomathy of the Pashtu or Afghan language, to which is subjoined a glossary in Afghan and English, 1847), которая до этого выходила в немецкоязычной серии «Ueber das Puschtu oder die Sprache der Afghanen» (1840–1845). Расширенное издание этого сочинения было напечатано в Санкт-Петербурге в 1867 г. Еще в конце XX в. эта классическая работа Б.А. Дорна была перепечатана в Германии (Osnabrück: Biblio Verlag, 1982). Затем в Афганистане вышло два издания этой работы, сначала под названием «Pasto Muntahbat: to which is subjoined a glossary in Afghan and English» (Кабул, 1977), а потом под названием «Pasto montahabat» (Кабул, 1978).

Иранистика была также важнейшим направлением, которому посвящены небольшие и фундаментальные исследования Б.А. Дорна. Его интерес к персидскому языку и культуре восходит к учебе в Лейпциге, а также к преподаванию в Харькове. Но лишь в российской столице Б.А. Дорн получил широкие возможности для работы над оригинальными источниками по иранистике. Исследованиям Б.А. Дорна по этой тематике также способствовали его научные путешествия на Кавказ и в регион южного Каспия. Среди важнейших сочинений здесь следует назвать «Материалы к познанию иранских наречий» (1860–1866), которые также вышли с его комментариями на немецком языке (Beiträge zur Kenntniss der iranischen Sprachen, 1860–1866) и расширили потенциальный круг его

читателей. В этом труде академик Б.А. Дорн исследовал мазандеранский язык и представил собрание стихотворений Эмира-и-Пасевари (Emir-I-Pasewary) со своими комментариями.

Второй важной работой Б.А. Дорна по иранистике были «Мусульманские источники по истории южных побережных стран Каспийского моря» (Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstenländer des Kaspischen Meeres, 1850–1858) в пяти обширных частях. В своем «Предисловии» от 29 апреля (11 мая) 1850 г., написанном в Санкт-Петербурге к первой части «Истории Табаристана, Руяна и Мазандерана Зегир-Эддина» (Sehir-Eddins Geschichte von Tabaristan, Rujan und Masanderan, 1850), автор подчеркивал: «Итак, я открыл и сделал доступным новый источник по азиатской истории» [12, p. 46]. За это издание в 1857 г. шах Персии наградил академика Б.А. Дорна орденом «Льва и Солнца». О важности этого фундаментального труда свидетельствует и тот факт, что его первая часть была переиздана в Иране под названием «Tarikh-i Tabaristan va Ruyan va Mazandaran» (Тегеран, 1984).

В сфере арабистики можно назвать следующие работы Б.А. Дорна: «Об одной рукописи в арабской обработке Йосафата и Барлаама» (Über eine Handschrift der arabischen Bearbeitung des Josaphat und Barlaam, 1852), «Три астрономические инструмента с арабскими надписями, находящиеся в Императорской публичной библиотеке Санкт-Петербурга» (Drei in der Kaiserl. öffentl. Bibliothek zu St. Petersburg befindliche astronomische Instrumente mit arabischen Inschriften, 1866). Небольшие статьи и фундаментальные исследования Б.А. Дорна были посвящены санскриту, а также истории, литературе и языкам других народов Востока. Среди этих исследований были, например: «Об эфиопских рукописях Публичной Императорской библиотеки в Санкт-Петербурге» (Ueber die aethiopischen Handschriften der öffentlichen Kaiserlichen Bibliothek zu St. Petersburg, 1837), «Четыре сирийских рукописи Императорской публичной библиотеки в Санкт-Петербурге» (Vier syrische Handschriften der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg, 1853).

В завершение следует акцентировать внимание на вкладе Б.А. Дорна в исследование культуры, истории и языков народов Кавказа, где особо ценными являются его фундаментальные «Сообщения по истории кавказских стран и народов по восточным источникам» (Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen, 1840–1848) в пяти частях. Так, во второй части этой работы «История Ширвана во времена правителей и ханов с 1538 по 1820 г., преимущественно по персидским источникам» (Geschichte Schirwans unter den Statthaltern und Chanen von 1538–1820, vorzüglich nach persischen Quellen, 1840) ученый представил исторический анализ развития государства Ширван на побережье Каспийского моря, простиравшегося от Дербента на севере до дельты Куры на юге (сейчас в границах Азербайджана). Б.А. Дорн подчеркивал, что в этой работе ему «удалось составить связную историю Ширвана со времени смещения древней династии рода Нушрван (Nuschirwan) до его полного присоединения к Российской империи» [13, p. 2]. О важности

и актуальности этого сочинения Б.А. Дорна свидетельствует его полное переиздание в пяти частях в ГДР (Лейпциг, 1967).

Хотя большинство публикаций Б.А. Дорна в петербургский период были на немецком и французском языках, он также публиковал свои работы и на русском языке. Среди этих работ можно выделить: «Известия о хазарах восточного историка Табари» (1844) в официальном «Журнале Министерства народного просвещения», «Академик Френ и его ученая деятельность» (1855), «Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря» (1861), «Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на прибрежья Каспийского моря» (1875). Однако именно публикации на западноевропейских языках принесли Б.А. Дорну мировую известность и способствовали его избранию в члены различных международных научных обществ, в том числе в Лондоне, Берлине, Гёттингене, Александрии, Париже.

Фундаментальные исследования по различным направлениям ориенталистики академика Императорской академии наук Б.А. Дорна вызывают живой интерес и в начале XXI в. Так, только за последнее десятилетие появились переиздания его петербургских публикаций на различных языках. Среди них можно выделить: сборник «Studies in oriental coins» (2004), «Inventaire des monnaies des khalifes orientaux et plusieurs autres dynasties» (2005), «Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg» (2011), «Каспий» (2012).

В качестве основного вывода следует подчеркнуть следующее. Во-первых, академик Б.А. Дорн осознавал себя прежде всего ориенталистом. Так, в конце вступления к своей русскоязычной работе «Каспий» (1875) он числит себя среди «ориенталистов» [14, с. LVI]. Во-вторых, в этом же исследовании ученый указывал, что работы мусульманских авторов «стали изучаться как <...> отечественными, так и иностранными ориенталистами» [14, с. 1]. Таким образом, академик Императорской академии наук Борис Андреевич Дорн считал себя не просто ориенталистом, а именно российским ориенталистом.

Литература

1. *Abaschnik V.A.* Johann Albrecht Bernhard Dorn (1805–1881) aus Coburg als Professor der Orientalistik in Charkow und Sankt Petersburg // Coburger Geschichtsblaetter. Hg. von der Historischen Gesellschaft Coburg e.V., 2004. Heft 1–2 (Januar–Juni). S. 26–39.
2. *Куликова А.М.* И.А.Б. Дорн (1805–1881) и востоковедное образование в России // Куликова А.М. Российское востоковедение XIX века в лицах. СПб., 2001. С. 84–97.
3. *Abaschnik V.A.* Wirksamkeit der Coburger Casimirianum-Absolventen in Kasan, Smolensk, Kiew und an der Schwarzmeerkueste // Coburger Geschichtsblaetter. Hg. von der Historischen Gesellschaft Coburg e.V., 2004. Heft 3–4 (Juli–Dezember). S. 93–106.
4. *Dorn B.* Ueber die Verwandtschaft des persischen, germanischen und griechisch-lateinischen Sprachstammes. Hamburg, 1827. XIV, 187 S.

5. *Багалей Д.И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Харьков, 1904. Т. 2 (с 1815 по 1835 год). IV, 1136, [2] с.
6. Имена членов, составляющих Харьковское Общество наук, по старшинству вступления // Труды Общества наук, состоящего при Императорском Харьковском университете. Харьков, 1817. Т. 1. С. XXXI–XXXVII.
7. *Dorn B.* History of the Afghans: translated from the Persian of Neamet Ullah by Bernhard Dorn, Professor of oriental literature in the Imperial Russian University of Kharkov. Part I. London, 1829. XVI, 184 p.
8. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / Под ред. М.Г. Халанского и Д.И. Багалея. Харьков, 1908. 168, 400, XII с.
9. *Dorn.* De affinitate linguae Slavicae et Sanscritae exposuit J.A.B. Dorn, LL. OO. P.P.O. Charcov. 1833. XIII. 154 S. 8. / LXIII. Sprachkunde // Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands. Riga u. Dorpat, 1833. Bd. 1. S. 500–505.
10. *Dorn J.A.B.* De affinitate linguae Slavicae et Sanscritae exposuit J.A.B. Dorn, LL. OO. P.P.O. Харьков, 1833. XIII. 154 S.
11. *Dorn B.* Auszüge aus afghanischen Schriftstellern, eine erläuternde Zugabe zu den grammatischen Bemerkungen über das Puschtu // Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. Sciences Politiques, Histoire, Philologie. Saint-Pétersbourg, 1845. T. V. P. 581–643.
12. *Dorn B.* Sehir-Eddins Geschichte von Tabaristan, Rujan und Masanderan. Persischer Text. St. Petersburg, 1850. 643, 46 p.
13. *Dorn B.* Geschichte Schirwans unter den Statthaltern und Chanen von 1538–1820, vorzüglich nach persischen Quellen. Sankt-Petersburg, 1840. 118 p.
14. *Дорн Б.* Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на прибрежья Каспийского моря. СПб., 1875. [2], IV, LVI, 718 с.